

А.Г. Власенко

1794 ГОД. КУТУЗОВ И НАПОЛЕОН: НЕЗАПЛАНИРОВАННОЕ СТОЛКНОВЕНИЕ

Генерал-фельдмаршал светлейший князь Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов Смоленский был и остаётся одной из самых популярных фигур в нашей истории. Впрочем, данный факт удивительным образом сочетается с тем обстоятельством, что мы очень плохо знаем своего национального героя. Слишком много в его жизни остаётся неизвестным, непонятным или даже необъяснимым. До сих пор не утихают споры, когда же он родился, кем была его мать, служил ли он в начале своей военной карьеры под началом Суворова, в чём причина конфликта с Александром I? Этот список можно продолжать. Если же речь пойдет об оценочных суждениях о жизни и деятельности полководца, то здесь вопросов будет ещё больше. Одним словом, современные исследователи имеют реальную возможность внести весомый вклад в изучение родной истории. Мы же в ожидании будущих открытий попытаемся, посмотрев на известные факты под иным углом зрения, ответить на один небольшой, но крайне любопытный вопрос: когда жизненные пути Кутузова и Наполеона в первый раз пересеклись?

Общеизвестно, что впервые Михаил Илларионович скрестил оружие с этим порождением Великой французской революции в 1805 г., будучи командующим армией, направленной для помощи союзным австрийцам. Однако это не столь уж бесспорно, ибо русскому полководцу, как ни удивительно, доводилось иметь с делом Бонапартом задолго до этого – в самом начале 1794 г. В 1792 г. генерал-поручик Голенищев-Кутузов был назначен императрицей Екатериной II чрезвычайным и полномочным послом в Порте От-

томанской. В конце сентября 1793 г. он прибыл в Стамбул с задачей не допустить обострения отношений с турками, уязвлёнными поражением в войне с Россией 1787–1791 гг.

В это время в революционной Франции, охваченной гражданской войной и отчаянно борющейся с коалицией европейских государств во главе с Великобританией¹, наступает очередной кризис. Тулон – главная военно-морская база страны на Средиземном море оказывается в руках сторонников короля, призвавших на помощь британский флот, к которому присоединились испанцы, пьемонтцы и неаполитанцы. В сентябре 1793 г. в армию, осаждавшую город, прибывает 24-летний капитан, называвший себя тогда Наполеоне ди Буонапарте. После долгих уговоров ему разрешили реализовать разработанный им необычный план атаки не самой крепости, а высоты, господствующей над узким проходом между двумя рейдами. Именно её он считал ключом к победе. Простая до гениальности идея оказалась чрезвычайно эффективной. Как только республиканцы 6 декабря² овладели высотой, союзные эскадры, устрашённые перспективой быть расстрелянными с берега, поспешно вышли в открытое море. И хотя бой продолжался ещё сутки, судьба Тулона была решена.

Хотя описанное выше событие произошло далеко от Стамбула, оно произвело сильное впечатление на турок-османов. И не удивительно. Тулон являлся французскими воротами на восток, и от того, кому он принадлежал, зависела стратегическая ситуация на Средиземном море. Возвращение республиканцами крепости-порта давало султанскому правительству неплохую возможность ослабить давление со стороны владычицы морей Британии и заодно надавить на Россию, чтобы получить от неё какие-нибудь уступки. Надо отдать должное Кутузову, он отлично понимал всю серьёзность случившегося. Это видно из его письма от 14 января российскому послу в Вене графу А.К. Разумовскому, который и сообщил о неудаче британцев: «Всё, что я могу сказать о здешних делах, это то, что они пока в неопределённом положении, и к несчастью эвакуация Тулона не произведёт хорошего эффекта, содействуя к повышению здесь акций якобинцев»³.

Предчувствия очень быстро оправдались. «Сие происшествие, – докладывал молодой посол 20 января Екатерине, – ободрило якобинцев и подало случай [эmissарам Франции] коварному Декоршу и Генену⁴ приобрести потерянное ими уважение Порты... Не известно ещё Порте, истреблён ли французский флот и адмиралтей-

ство, бывшее в Тулоне, но ежели подтвердится полученное мною вчерась чрез нарочного известие из Вены (которое здесь мне одному ведомо), что осталось двадцать пять кораблей разной величины не истреблённых, тогда весьма опасно, чтобы не прельстилась Порты и не подалась на предлагаемые давно французами обязательства. Положение сие заставляет крайне надзирать за Портою, ибо весьма возможно, что Порты, несмотря ни на какие обстоятельства внутренне... поступит на всё безрассудно»⁵.

30 января в письме графу Разумовскому продолжают звучать нотки беспокойства: «Эвакуация Тулона произвела эффект, которого надо было ожидать. Она, так сказать, оживила якобинцев и недоброжелателей. Так как ещё сомневаются, все ли военные корабли стали жертвою огня, или часть из них спасена, то и о намерениях Порты ничего положительного сказать нельзя, внешняя политика которой будет зависеть от достоверности новостей, повторяемых здесь по поводу упомянутого флота»⁶. Однако якобинские агенты развернули агрессивную агитацию, уверяя, что осталось пятнадцать линейных кораблей, рапортовал Кутузов императрице 5 февраля, и «адмиралтейские припасы невредимы, так что морские силы Республики немедленно возымеют поверхность в Средиземном море, возмогут оное очистить от неприятелей и дать знатную помощь Порте противу России». Республиканцам удалось накалить обстановку и склонить чашу весов в свою пользу и хотя не «все из министров Порты столько безрассудны и столько подкуплены, чтобы слепо верить сим обещаниям, но в народе, особливо между духовенством... якобинцев признают турки не инако, как братьями, и судьбу их почитают нераздельною с своею собственною. Заботливость Декорша при министерстве турецком умножилась. Свидания его с реис-эфендием стали чаще...»⁷.

Заигрывание османов с республиканцами резко обострило обстановку. Буйство местных якобинцев «возросло до такой степени, — продолжал информировать Михаил Илларионович государыню, — что стали ходить большими вооружёнными толпами и ночью напали на сержанта, при миссии находящегося, сделав несколько pistolетных выстрелов, что и засвидетельствовано караулом турецким. Но Порты и при сём случае не преминула обнаружить прилепление свое к якобинцам, защищая оных и возлагая винность на российских, кои будто бы нападением на французов принудили противу себя защищаться». Российский протест турецкому правительству

был подкреплён Кутузовым сильным средством – «такowymi же от министров австрийского, прусского, неаполитанского, гишпанского поверенного в делах и посла англицкого, коего представления заключены в наисильнейших терминах». Единая позиция столь разных в своих интересах дворов перед лицом французской провокации «обеспокоила Порту и заставила принять некоторые меры противу якобинцов. Между прочим запрещено им носить при себе оружие и подозрительных приказано обыскивать»⁸.

Российскому послу удалось снизить накал страстей, чему, бесспорно, поспособствовала и объективная ситуация. Как скромно писал Михаил Илларионович 20 февраля государыне, не пытаясь приписать себе заслуги в этом: «Порта после получения известия о потере Тулона имела уже время увидеть, что не столь велики остатки французского флота, чтобы в скором времени уповать можно было получить ему поверхность в Средиземном море над союзниками»⁹. Со своей стороны султан и турецкое руководство, разыгрывая тулонскую карту, не позволило якобинцам увлечь себя за точку невозврата, предпочтя занимать выжидательную позицию.

15 марта 1794 г. Кутузов покинул Стамбул с репутацией удачливого дипломата. Наполеон за успешную операцию получил чин бригадного генерала, а выражение «мой Тулон» с тех пор стало нарицательным, выделяя из толпы тех, кто мог, найдя ключевую точку в окружающем его бытии, сделать ставку на обдуманность плана и решительность действий, добиться своей цели. В общем, необычная заочная схватка двух полководцев закончилась ничьей. Причём для Наполеона она прошла незамеченной. Ему было не до того, и с Михаилом Илларионовичем он действительно познакомился только в кампании 1805 г. Российский посол тоже поначалу не знал, кому был обязан дополнительными проблемами, обострившими и так не простую обстановку, угрожая негативно сказаться на всей его миссии, а то и карьере. Ни в одном документе не говорилось о каком-то там Буонапарте. Его имя не имело в 1794 г. той силы, которую приобрело затем, и потому не значило для мира ровным счётом ничего. Однако после поразительного Итальянского похода и последующего поистине сверхъестественного превращения этого человека в императора в 1804 г., детали биографии корсиканца стали достоянием гласности. И к 1805 г. Кутузов, старавшийся всегда быть в курсе событий, тем более в военной сфере, знал, с кем он опосредованно столкнулся в 1794 г. Турецкая миссия показа-

ла Михаилу Илларионовичу, насколько тесно взаимосвязаны война и политика, что можно и нужно учитывать их взаимовлияние и умело пользоваться этим. Иначе говоря, он получил возможность постигать высшие материи стратегического уровня. И этот опыт ему пригодился впоследствии, в том числе и в борьбе с Наполеоном.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В Первую антифранцузскую коалицию вошли Великобритания, Австрия, Пруссия, Неаполь, Пьемонт, Испания, Нидерланды и некоторые мелкие германские и итальянские государства. Россия склонялась к их поддержке, но опасалась Турции.

² Все даты даны по старому стилю, применявшемуся в Российской империи.

³ М.И. Кутузов: Сб. документов. М., 1950. Т. I. С. 294.

⁴ Представители Французской республики в Турции.

⁵ М.И. Кутузов: Сб. документов. С. 297.

⁶ Там же. С. 306.

⁷ Там же. С. 308.

⁸ Там же. С. 309.

⁹ Там же. С. 315.